Теоретико–исторические правовые науки

УДК 342.31
JEL: K10

АЛЬБОВ Алексей Павлович [1]

[1] ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Миусская площадь, д. 6, Москва, 125047, Россия

[1] Российская таможенная академия (РТА), Комсомольский проспект, д. 4, Московская область, г. Люберцы, 140015, Россия.

https://orcid.org/0000–0003–1716–0177

[1] Альбов Алексей Павлович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории права, государства и сравнительного правоведения, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

[1] профессор кафедры теории, истории государства и права Российской таможенной академии, Москва, Россия. E–mail: aap62@yandex.ru

ВНУТРЕННИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: САМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ, АВТАРКИЯ, ИММУНИТЕТ

Аннотация

Тема: в статье рассмотрены в исторической и логической связи такие понятия, как самообусловленность, автаркия, иммунитет, которые составляют сущность внутреннего иммунитета государства.

Цели/задачи: раскрыть связь трех понятий в процессе становления отдельной юридической категории «внутренней суверенитет», показать их логическую и онтологическую взаимосвязь, обосновать необходимость новых подходов в понимании внутреннего суверенитета в связи с изменяющимися социальными и политическими обстоятельствами.

Методология: использовались как общенаучные методы: диалектический, анализ и синтез

Результаты/выводы: показано, что понятие «суверенитет», наполнялось различным содержанием в зависимости от путей и механизмов формирования правовой системы, правосознания, формы государства; раскрыто понятие суверенитет, как важнейшее свойство права; выявлено, что суверенитет, как феномен в целом, и как правовой суверенитет в частности, может рассматриваться как категория внешняя и внутренняя; доказано соразмерное и сбалансированное проявление автаркии, самодостаточности и иммунитета как субстантивированной основы внутреннего правового суверенитета, через который государство способно реализовывать свои внутренние и внешние функции; делается вывод, что понятие «иммунитет» является неким «отражением» суверенитета, его продолжением, и следовательно иммунитет распространятся на всю правовую систему, и включать всю правовую реальность.

Ключевые слова: *Аристотель, Платон, Ж.Боден, внутренний суверенитет, самообусловленность, автаркия, иммунитет*

[1] **Alexey P. Albov**, Doctor of Law, Head of the Department of Theory of Law, State and Comparative Law, Professor of the Russian State University for the Humanities
[1] Professor of the Department of Theory, History of State and Law, Russian Customs Academy, Moscow, Russia. E–mail: aap62@yandex.ru

INTERNAL SOVEREIGNTY: SELF–CONDITIONING, AUTARKY, IMMUNITY

Abstract

Subject/topic: The article considers in historical and logical connection such concepts as self–conditionality, autarchy, immunity, which constitute the essence of the internal immunity of the state.

Goals/objectives: to reveal the connection of the three concepts in the process of formation of a separate legal category "internal sovereignty", to show their logical and ontological relationship, to substantiate the need for new approaches in understanding internal sovereignty in connection with changing social and political circumstances.

Methodology: both general scientific methods were used: dialectical, analysis and synthesis of scientific methodological material, and methods of private scientific research: historical–logical, and the method of legal modeling.

Results / Conclusions It is shown that the content of the concept of "sovereignty" was filled with different content depending on the formation of the legal system, legal consciousness, the form of the state; the concept of legal sovereignty is disclosed, which reflects sovereignty as the most important property of law; it is revealed that sovereignty, as a phenomenon in general, and as legal sovereignty in particular, can be considered as an external and internal category; proved a proportionate and balanced manifestation of autarchy, self–sufficiency and immunity as a substantiated basis of internal legal sovereignty, through which the state is able to implement its internal and external functions; it is concluded that the concept of "immunity" is a kind of "reflection" of sovereignty, its continuation, and therefore immunity should extend to the entire legal system, and include the entire legal reality.

Keywords: *Aristotle, Plato, J. Bodin, internal sovereignty, self–conditionality, autarchy, immunity,*

Сегодня сложилась интересная ситуация, когда ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе, с одной стороны, нет недостатка в исследованиях, посвященных вопросу различных парадов суверенитета: внутренний и внешний, государственный и международный, экономический и политический, технологический и кибернетический и т. д, и т. д., в которой высказывается достаточно идей и предположений по поводу самих понятий, форм, содержания, принципов и признаков, и тем не менее в современных политико–правовых реалиях как внутри государства, так и в международных отношениях вопрос об обеспечении правового суверенитета, как внутреннего, так и внешнего, и его отражение в нормативно–регулятивной системе является весьма актуальным.

«Содержание, происхождение, этимология понятия «суверенитет» установлена не вполне точно. Можно обратиться к трудам известных в

своей области таких ученых как Ш. Дюканж [1] и В. Мейер–Любке [2], которые доказывали, что оба термина связаны со средневековым латинским словом superanus» [3].

Греческие города–государства жили самостоятельной экономической, культурной, спортивной жизнью и, как следует из трудов Платона, Аристотеля, Полибия, Фукитида, Страбона были вполне самодостаточными униями, обладающими своим суверенитетом. Отмечается, что само представление, о том, что власть в полисе является высшей и независимой от самой природы, еще не существовало. В этот период jus gentium достигло определенной ступени развития в некоторых областях межгосударственных отношений: греческие города были равноправны, развивалось договорное, дипломатическое и консульское право, существовали понятия состояния войны и нейтралитета [4,5].

«Древние греки уделяли значительное внимание понятию государства, однако в том, что касается суверенитета, существует очень мало следов. Все, что можно найти, это употребление словосочетания «высшая власть», при этом сам термин «суверенитет» не существовал [3]. Современное же понимание суверенитета в современном толковании представляет собой особый статус государственной власти, выражающийся в способности вести самостоятельную независимою политику как внутри государства, так и за его пределами [6].

Принято считать, что собственно научно–оформленная концепция суверенитета, появляется лишь в работах Жана Бодена [7].

Боден подчеркивал, что «суверенитет есть светская, абсолютная власть в государстве и пожизненная». Это убеждение оформилось в ходе борьбы светской власти, с властью церковной, абсолютного права монарха перед любой другой политической или религиозной силой. Хотя мыслитель рассматривал суверенную власть в качестве признака государства, сам суверенитет он не рассматривал как верховенство власти в государстве: «суверенная власть не связана законами, поскольку законы представляют собой указания суверена и в силу этого не могут быть для него обязательными, но в то же время она ограничена существовавшим до возникновения государства правом божественным и естественным» [8].

Понятие автаркии также не содержало юридического смысла, и не отражало идеи верховенства и независимости государства. Лишь намного позже Г. Гроций попытается придать этому понятию юридический смысл.

Юридическое содержание понятия «суверенитет», за столетия наполнялось новым содержанием, которое зависело от правовой системы, правовой культуры, и формирования государственного устройства. Нужно признать тот факт, что в современном мире выстраивается новый вектор международных отношений, который оказывает серьезное воздействие на всю политическую жизнь, на каждый элемент правовой системы и формы государства, именно в силу этого привычные для нас понятия государственно–правовых институтов подвергаются переосмыслению, и

особенно это становится заметно в дискуссиях о таких понятиях как суверенитет, автаркия, самодостаточность, которые тесно связаны с современными глобальными процессами. Вместе с тем, исходный смысл и содержание любого понятия или категории определяет логику его дальнейшего развития и употребления в науке.

«Передача — приобретение» полномочий — новая мера самостоятельности государств. В течение многих веков понятие «государство» тесно было связано с понятием «публичная власть». При всей значимости данного признания государствами не исчерпывается его характеристика как универсальной политико–управляющей системы, действующей по «мандату» общества на основе права» [9].

Одним из важнейших понятий, касающихся суверенитета и его нормативного отражения, является понятие внутреннего правового суверенитета.

Известно, что еще в 1906 г. Краббе Г. предложил оригинальную концепцию суверенитета права, рассмотренную в книге А. Рождественского. Учёный самым тщательным образом исследует немецких ученых–юристов, философов, социологов по проблемам государственного суверенитета, в результате исследования он заключает, что власть не черпает силу в праве, которое может лишь «связывать» и ограничивать ее. «Напротив, концепция суверенитета права обладает самостоятельностью и высшей ценностью, и поэтому всякая власть выступает как правовая власть, как безличная власть права (в отличие от усмотрения в теории государственного суверенитета). Итог: право есть единственный источник власти» [10].

Право очерчивает легальные основы организации и функционирования государства. В строго юридическом смысле публичное право регулирует систему власти и ее институтов, принципы использования экономических и иных ресурсов общества, режим государственной территории и порядок ведения международных дел [11].

Тихомиров Ю.А. отмечает, что правовой суверенитет выражается через построение суверенной национальной правовой системы на основе правовых идей; формирование системы законодательства в соответствии с потребностями правовой системы; в соответствии с правотворческим процессом; практики правоприменения и построения судебной и иной защиты [12].

Попробуем наметить и обосновать основные элементы и характеристики внутреннего правового суверенитета.

Прежде всего, дадим общее определение понятию правового суверенитета. *Правовой суверенитет — это отражение суверенитета как сущностной черты в праве.* Согласно общепринятой концепции, господствующей в теории права, субъектами, обладающими суверенитетом, являются государства, квазигосударственные субъекты права (Святой Престол и Мальтийский Орден), а также persona sui generis

или «лица особого рода», такие как Европейский союз, хотя вопрос о суверенности Европейского союза является предметом дискуссий.

Основным элементом, характеризующим суверенитет, является независимость в вопросе принятия политических, правовых, экономических, культурных и иных решений, как от внешнего воздействия (со стороны иных суверенных субъектов права), так и от внутренних факторов (политических партий, группировок, религиозных организаций и т.д.).

Вопрос о правовом характере суверенитета не имеет однозначного решения ни в международно–правовой доктрине, ни в теории государства и права.

Так, с одной стороны, если исходить из идеи естественного происхождения государства, суверенность, как самостоятельность и свобода (пусть и относительная) в вопросах волеизъявления и действия, как отдельных индивидов, так и их объединений, переходит на государство, и следовательно можно полагать, что в некой позитивации положения о суверенитете нет никакой необходимости; с другой стороны, позитивация формализует статус государства как суверенного, ввиду чего может рассматриваться как необходимая составляющая правового суверенитета.

Непосредственно сам суверенитет, и как феномен в целом, и как правовой суверенитет в частности, может рассматриваться как категория внешняя и внутренняя:

–в качестве внешнего суверенитета это в первую очередь независимость в принятии тех или иных, как внешнеполитических, так и внутренних решений от иных субъектов международного права;

– внутренняя же независимость или правовой суверенитет – это независимость от внутренних факторов воздействия, на что мы указали выше.

Теперь рассмотрим три основных элемента, характеризующих внутренний правовой суверенитет, а именно: самообусловленность, автаркию и иммунитет.

Самообусловленность это первая характеристика внутреннего правового суверенитета (и суверенитета в принципе). Буквально самообусловленность можно понимать, как «обусловленность собой», тождественность себя самого с самим собой. Самообусловленность можно толковать как «сам себе причина» (causa sui). Это понятие изначально применялось в теологических построениях по отношению к Богу, но затем, за счет переноса богословских концепций на политико–правовые аспекты, изначально в рамках христианства, а затем в светских дисциплинах, таких как юриспруденция и политология, стало термином светских концепций в области политики и права. Поскольку невозможно определить достоверно момент начала действия суверенитета в качестве политико–правовой категории, а равно и выработать некие универсальные законы причины наличия суверенитета, как у государств никогда за него не боровшихся и

возникших до появления самого понятия «суверенитет» в современном его истолковании. «Человек сам от себя ... полагает Необходимое и обязывающее. Обеспечивание высшего и безусловного развития всех способностей человечества для безусловного господства ... есть тот тайный стимул, который подстегивает новоевропейского человека, и понуждает его к обязательствам, которые обеспечивали бы ему надежность его методов» [13].

С другой стороны, существуют страны, такие как США и многие страны «Нового Света», обретавшие юридически суверенитет в конкретное время, в конкретном месте и в результате конкретного алгоритма действий (война, восстание, революция, декларация суверенитета и прочее). Поскольку в таком случае пришлось бы считать суверенитет новообразованного государства производным от суверенитета государства, ранее владевшего территорией ныне суверенного государства, то его суверенитет, как внутренний, так и внешний пришлось бы считать сущностно производным от суверенитета иного государства.

Это противоречит идее равенства государств как субъектов международного права. Как во внешнем отношении, так и во внутреннем иное государство не может считаться причиной суверенитета иного государства. Также не может считаться причиной суверенитета какое бы то ни было лицо, некая организация, общность и что бы то ни было еще, поскольку тогда эта причина суверенитета, сама, не будучи государством, сможет действовать как некая причина для любого иного действия государства, а, следовательно, будет нарушаться основа самого понятия суверенности, о чем сказано выше.

Также следует учитывать необходимость универсализации понятия суверенитета в отношении если не всех, то абсолютного большинства носителей этого свойства. Таким образом следует, что, вопреки принципу причинности формальной логики, необходимо отказаться от идеи обусловленности суверенитета каким бы то ни было фактором, в особенности применительно ко внутреннему правопорядку, который создается самим государством, формально независимо от каких бы то ни было из субъектов правоотношений внутри его юрисдикции.

Таким образом, самообусловленность любого субъекта не может быть свободой «самополагания» в соответствии с конечной положенной целью. Очевидно, что необходимо рассматривать проблему самообусловленности как становление субъекта в отношениях с другим, где классический субъект теряет свое место центра, оказываясь «разрушенным» идеей самообусловленности. [14]. В своем научном исследовании, связанном с активность субъекта, П.П. Гайденко полагает, что освобождение субъектности не есть акт внешний, свободу нельзя получить от другого – ее можно обрести в акте самоопределения, самопостроения [15].

Из самообусловленности логически вытекает принцип *автаркии* или самостоятельности экономической системы. Так, если

самообусловленность, как политико–правовая категория, это более абстрактное и теоретическое понятие (в некотором роде даже «метафизическое»), то автаркия – это прикладное воплощение самообусловленности.

Автаркия (αὐτάρκεια) означает “самодостаточность”, “самодовление”; у античных авторов слово αὐτάρκεια многозначно (напр., "исполнение", "произвольность", "воздержность", "благосостояние" или "самодовольство") [16].

К автаркии как дефиниции, обозначающая хозяйственную независимость натурального хозяйства и самодостаточность, в последствии был добавлен предикат правового и государственного суверенитета, и это понятие обрело еще и статус экономической категории. Исторически и логически процесс становления прошел ряд последовательных этапов: принцип натурального домохозяйства – полисный принцип самообеспеченности унии –этический принцип мудрецов –теологический принцип бытия Бога.

«Автаркия государства — это достаточные условия, существующие ради прекрасного, т.е. ради духовного единства граждан, ради удовлетворения моральной потребности в справедливости. Автаркия полиса основана, по Аристотелю, на сложной уравновешенности общественной структуры, на пропорциональном соотношении его групп» [17].

Следовательно, полис должен быть устроен так и таким образом, чтобы все нужды самого государства и его граждан могли быть удовлетворены независимо от внешнего мира. [18]. Автономия не ограничивает самостоятельность государства и способность его к развитию, наоборот, автаркия обеспечивает суверенитет, основанный на самоудовлетворении потребностей, такая формула реализуется по мнению учёного в идеальном государстве.

Действительно, на всех этапах развития общества, государства и права суверенитет и автаркия приобретала различные формы своего выражения, и наполнялась различными сущностными признаками, доктрины этой взаимообусловленности формировались постепенно, вбирая в себя различные философско–правовые учения и практику развития государств. И все же признавалось, что важнейшим признаком полиса является автаркия, т.е. самодостаточность и возможность существовать независимо от других полисов, удовлетворяя свои потребности, не прибегая к другим униям [19].

Несмотря на то, что это понятие первоначально формировали философы автаркия не должна пониматься как чисто философско–правовое понятие. Возможность государства обеспечивать себя всем необходимым без обращения к другим государствам не свидетельствует еще о его независимости и государственном суверенитете. Суверенитет имеет скорее инструментальную функцию в доктрине «счастливого государства», где

наличие суверенного государства служит реализации определенных высших ценностей и достижению конечных целей населения [20].

Если исходить из свойственной диалектико–материалистическому подходу идеи о том, что по отношению к государстве и праву, в качестве prima causa выступает экономика, то самообеспеченность экономической системы является безусловным гарантом суверенитета, как внутреннего (государство, выстроив «закольцованную» экономическую систему действует внутри своей собственной системы товарообмена и прочих экономических отношений, создающих основу для позитивации этих отношений), так и внешнего (минимизируется возможность иностранного влияния на внутреннюю и внешнюю политику государства за счет экономической интервенции).

В то же время, если отвергать диалектико–материалистическое понимание государства и права, и опереться на не экономические аспекты, ~~а —~~на культуру, искусство, религию и иные подобные стороны общественной жизни, то под автаркией можно понимать выстраивание самобытной культурной парадигмы, как и в случае с экономикой, с одной стороны, обеспеченной соответствующей нормативной защитой от государства, а с другой стороны, оправдывающей и обуславливающей государственную нормативно–регулятивную систему.

Так в статье: «Влияние национальной правовой культуры, национального права и правовой системы на устойчивое развитие экономики» отмечается, что национальное право, правовая система оказывает значительное влияние на экономические отношения, широко разрекламированная теория экономического детерминизма, основанная на марксизме, представляет собой ложный императив, который продолжает оказывать влияние на отдельные правовые теории, где значение права как универсального регулятора общественной жизни принижается [21].

И в данном аспекте автаркия коррелирует с глобализацией, так одни полагают, что глобализация несет неоспоримые выгоды, идет универсальный процесс становления «общечеловеческой цивилизации», где воцарятся мир и благополучие: Р. Кеохане, полагающий, что необходимо сформировать универсальные международные институты, которые могут позволить государствам успешно взаимодействовать в международных отношениях;[1] Дж. Най, доказывающий, что сегодня растёт недоверие не только к национальным правительствам, но и политическим институтам, и это связано прежде всего с демистификацией власти; изменения баланса между коммунитаристскими и либертаристскими ценностями в пользу последних; низкой степенью защиты государства экономического суверенитета и т.д. [22]. Т. Фридмен, сформулировавший в 2006 году так называемый «Первый закон петрополитики», согласно

[1] https://dof.princeton.edu/about/clerk-faculty/emeritus/robert-owen-keohane [Дата обращения 4 декабря 2022 г.]

которому в странах с преобладанием в долее ВВП сырьевого экспорта наблюдается прямая корреляция между ценой на углеводороды и степенью развития гражданских право и свобод.[1]

Таким образом в глобализации видят источник ликвидации детерминирующих факторов подчинения государств, и конфликт между экономически развитыми государствами–игроками, и зависимыми государствами минимизируется. Правительства различных государства становятся связующим звеном между взаимодополняющими субъектами международных отношений.

Другие утверждают, что суверенные государства будут пытаться сохранить территориальный и внутренний правовой суверенитет, однако спектр влияния транснациональных организаций будет агрессивно расширяться, и миропорядок не сможет вращаться вокруг оси суверенных государств.

Сторонники второй ветви – эволюционистского подхода видят в глобализации долговременный процесс и требуют от государств и обществ постепенной адаптации к более взаимозависимому миру. Глобализация постепенно разрушает различия между отечественными, внутренними и иностранными, внешними проблемами. Так Дж. Розенау утверждает, что роль государства, как основного игрока, и субъекта международных отношений будет неуклонно снижаться, и будет уступать взаимоотношению отдельных политических лидеров. В результате будет сформирован «международный континуум, субъектами которого является турист и террорист» [23].

Один из выдающихся социологов современности А. Гидденс [24] не раз отмечал, что глобализация создает немалые возможности для развития личности, общества и государств, но при этом несет в себе кризисы политические, финансовые, демографические кризисы, оказывающие влияние на мир в целом.

Можно предположить, что автаркия, противоположна глобализации и универсализации западных ценностей, скорее она ближе к суверенитету: устранение чуждого влияния на мораль, экономику и политику; недопущение вмешательства во внутренний суверенитет, отказ следовать навязанным однополярным принципам, утверждение противоположного. История показал, что чем выше уровень автаркии, тем меньше национальная экономиа подвержена мировым потрясениям.

Западные страны длительное время адаптируют свой политический курс в соответствии с актуальными национальными задачами, основное содержание которых было направлено на сохранение лидерства, курса на достижение экономической стабильности, укрепления курса национальной валюты, сохранения национальной безопасности, основанной на правовом

---

[1] Гибриды, нефть и агрессия. // Ведомости, 2014, 8 декабря. https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/12/08/gibridy-neft-iagressiya [Дата обращения 4 декабря 2022 г.]

и государственном суверенитете.

Автаркия – не самоизоляция, скорее политика формирования и защиты национальных интересов и национальной безопасности, обеспечение достойного существования, опирающееся на собственный внутренний экономический потенциал, следовательно, и суверенитет. В подтверждение этих выводов можно вспомнить Мюнхенскую речь В.В. Путина, где был обозначен курс на развитие отечественного производства начало перевооружения армии, принятие стратегии национальной безопасности.

В то же самое время, можно отметить и крайние формы автаркии характерны для тоталитарных государств, однако в их случае это вызвано своего рода вынужденным аспектом, ввиду собственной закрытости от внешнего мира, наличия системы санкций со стороны иностранных государств и международных организаций, а также низкой социальной и экономической активностью и мобильностью граждан. В таком случае и в таком виде автаркия является не только и не столько признаком политического, экономического и правового суверенитета, сколько признаком тоталитарного государства.

Если же попытаться сформулировать обобщающее понятие для автаркии, применимое к ней как к теоретико–правовой категории, то можно дать ей следующую характеристику.

Автаркия – совокупность политических, экономических и правовых мер, способствующих эффективному действию суверенной нормативно–регулятивной системы государства, и обеспечивающая минимализацию внешнего воздействия на нее со стороны внешних и внутренних факторов.

Особо важна роль автаркии для внутреннего суверенитета государства по причине того, что она, как экономическая, или любая иная система строится государством внутри себя самого, в конечном счете, становится его исключительно (или почти исключительно) внутренним механизмом.

Третья категория – иммунитет. Данный термин имеет весьма обширное количество значений. Самым обобщенным определением его является понятие защищенности. В случае с правовым иммунитетом, можно говорить о том, что это некая гарантия, предоставляемая государством тому или иному субъекту права, которая обеспечивает защиту субъекта как от внешнего воздействия, так и от воздействия со стороны самого же государства. Данная гарантия может быть представлена с целью защиты носителей государственной власти (как органов, так и физических лиц) от факторов, которые могут воздействовать на принятие ими решений исключительно в интересах государства. В случае с иными субъектами, получающими иммунитет, это может быть вызвано потребностью обеспечить их самостоятельную и эффективную деятельность в соответствующем секторе исходя из интересов государства.

Мы показали, что категория «правовой суверенитет» – достаточно сложная, но именно с ней многие ученые связывают способность государства, и публичной власти иметь правовой иммунитет. Так, ряд

ученых указывают, что именно государственный «иммунитет вытекает из суверенитета» [25] и так как государство является носителем публичной власти ему присущ суверенитет, постольку государство в международных отношениях характеризуется наличием у него иммунитета [26].

Однако сегодня в научной литературе еще недостаточно разработано соотношение таких понятий как «суверенитет» и «иммунитет», в отдельных работах встречается утверждение их схожести по содержанию.

Однако понятие «иммунитет» находит свое выражение еще в латинской формуле: par in parem non habet imperium seu jurisdictionen ("равный над равным не имеет власти или юрисдикции"). При попытке дать научную дефиницию основной акцент делается на утверждении неподсудности одного государства органам власти другого государства [27].

Если согласиться с тем, что понятие «иммунитет» является неким «отражением» суверенитета, его продолжением, то очевидно, что иммунитет распространяется на всю правовую систему, и должен включать всю правовую реальность: элементы юридических средств, с помощью которых публичная власть влияет на общественные отношения; юридические нормы, принципы и институты; совокупность правовых учреждений; правовую культуру общества.

Правовой иммунитет объективируется через правоотношения, которые, меняются под воздействием общественных отношений, возникающих в различных элементах суверенной правовой системы. Таким образом формируется внутренней правовой иммунитет, влияющий на формирование правовой культуры, на суверенные отношения личности, общества и государства, которые в свою очередь оказывают влияние на правовое регулирование, правотворчество и юридическую практику.

Представляется, что подобный подход позволит учитывать основы международного права, и не умалять суверенитет внутреннего национального права.

Итак, соразмерное и сбалансированное проявление указанных трех факторов и является основой внутреннего правового суверенитета и показателем эффективности его реализации государством и институтами гражданского общества.

Список источников:

1. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis: L. Favre, 1886.С. 659
2. Meyer–Lubke (2013) – Meyer–Lubke W. Romanisches Etymologisches Wörterbuch. 3rd ed. Heidelberg, 1935.
3. Леонов (2013) – Леонов А.С. Государственный суверенитет: этимология и предыстория развития концепта. // «Государство и право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского», 2013, № 3 (2). С. 131–135.
4. Martin (1940) – Martin V. La vie internationale dans la Grèce des Cités (VIe–IVe s. av. J.–C.). Paris: Sirey, 1940. 633 p.;
5. Тункин (1994) – Тункин Г.И. Международное право: учебник. М.: Юрид. лит. 1994.

6. Тункин (1903) – Палиенко Н.К. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Типография губернского правления, 1903.

7. Маритен (2000) – Маритен Ж. Человек и государство. Пер. с англ. Т. Лифинцевой. М.: Идея–Пресс, 2000. С. 37

8. Дегтярева (2000) – Дегтярева М.И. *Разработка понятия суверенитета Жаном Боденом* // Полис. 2000. № 3. С. 161 – 163.

9. Тихомиров Ю. А.(2011) – Государство: преемственность и новизна. М., 2011

10. Рождественский (1913) – Рождественский А. Теория субъективных политических прав. М., 1913. С. 263—266.

11. Тихомиров (2008) – Тихомиров Ю.А. Современное публичное право. М., 2008.

12. Тихомиров (2013) – Тихомиров Ю.А.Правовой суверенитет: сферы и гарантии. Журнал Российского права. 2013.№3. С.6–7.

13. Хайдеггер (1993) – Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 119.

14. Михайлов (2002) – Михайлов Ф.Т. *Проблема «Subject–Object» или поиск субъектом своих предикатов* // Субъект. Познание. Деятельность. М., 2002. С. 396.

15. Гайденко (1997) – Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. М., 1997. С. 211.

16. Словарь иностранных слов. М., 1989.

17. Брагинская (2008) – Брагинская Н.В. *Автаркия* // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс–Традиция, 2008. С. 72–78.

18. Аристотель. (1983) – Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. — М.: Мысль, 1983. С. 446.

19. Тэпс (2002) – Тэпс Д. Концептуальные основы федерализма – СП(б): Юрид. лит. 2002. С. 31.

20. Аристотель (1997) – Аристотель. Политика. Кн. 7, гл. 7 1997 г., изд – во «Мысль». С. 232.

21. Альбов, Ручкина (2016) – Альбов А.П., Ручкина Г.Ф. *Влияние национальной правовой культуры, национального права и правовой системы на устойчивое развитие экономики*. // Государство и право. 2016. №1. С. 47–58.

22. Най (2006) – Джозеф Най Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006.

23. Цыганков (2003) – Цыганков П.А. *Понятие и критерии международных отношений* // Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. С. 23.

24. Гидденс (2003) – Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003.

25. Лунц (1975) – Лунц Л.А. Курс международного частного права. Особенная часть. – М., 1975. С. 75.

26. Ануфриева (2002) – Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002. С. 26.

27. Ануфриева (2000) – Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3–х т. Т. 2. Особенная часть: учебник. — М., 2000. С.85

References:

Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis: L. Favre, 1886. P. 659

Meyer–Lubke (2013) – Meyer–Lubke W. *Romanisches Etymologisches Wörterbuch*. 3rd ed. Heidelberg, 1935.

Leonov (2013) – Leonov A.S. *State sovereignty: etymology and background of the development of the concept*. [Gosudarstvennyj suverenitet: etimologiya i predystoriya razvitiya koncepta] // "State and law. Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky", 2013, No. 3 (2). pp. 131–135.

Martin (1940) – Martin V. *La vie internationale dans la Grèce des Cités* (VIe–IVe s. av. J.–C.). Paris: Sirey, 1940. 633 p.

Tunkin (1994) – Tunkin G.I. *International law: textbook*. [Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik] M.: Jurid. lit., 1994.

Palienko (1903) – Palienko N.K. Sovereignty. *The historical development of the idea of sovereignty and its legal significance*. [Suverenitet. Istoricheskoe razvitie idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie] Yaroslavl: Printing house of the provincial government, 1903.

Maritain (2000) – Maritain J. *Man and the state*. [CHelovek i gosudarstvo] Per. from English. T. Lifintseva. M.: Idea–Press, 2000. S. 37

Degtyareva (2000) – Degtyareva M.I. Development of the concept of sovereignty by Jean Bodin [Razrabotka ponyatiya suvereniteta ZHanom Bodenom] // Polis. 2000. No. 3. S. 161 – 163.

Tikhomirov (2011) – Tikhomirov Yu. A. *State: continuity and novelty*. [Gosudarstvo: preemstvennost' i novizna] M., 2011

Rozhdestvensky (1913) – Rozhdestvensky A. *The theory of subjective political rights*. [Teoriya sub"ektivnyh politicheskih prav] M., 1913. S. 263–266.

Tikhomirov (2008) – Tikhomirov Yu. A. Modern public law. [Sovremennoe publichnoe pravo] M., 2008.

Tikhomirov (2013) – Tikhomirov Yu.A. *Legal Sovereignty: Spheres and Guarantees.* [Pravovoj suverenitet: sfery i garantii] Journal of Russian Law. 2013.№3. S.6–7.

(1993) – Heidegger M. *European nihilism* [Evropejskij nigilizm] // Heidegger M. Time and being. M., 1993. C. 119.

Mikhailov (2002) – Mikhailov F.T. *The "Subject–Object" problem or the subject's search for its own predicates* [Problema «Subject–Object» ili poisk sub"ektom svoih predikatov] // Subject. Cognition. Activity. M., 2002. S. 396.

Gaidenko (1997) – Gaidenko P.P. *Breakthrough to the transcendent* [Proryv k transcendentnomu] M., 1997. S. 211.

Dictionary of foreign words [Slovar' inostrannyh slov] M., 1989.

Braginskaya (2008) – Braginskaya N.V. *Autarky* [Antichnaya filosofiya: Enciklopedicheskij slovar'] // Ancient Philosophy: Encyclopedic Dictionary. M.: Progress–Tradition, 2008. S. 72–78.

Aristotle (1983) – Aristotle. *Collected works in 4 volumes*. [Sobranie sochinenij v 4 tomah] T. 4. – M.: Thought, 1983. S. 446.

Taps (2002) – Taps D. *Conceptual foundations of federalism* [Konceptual'nye osnovy federalizma] – SP (b): Jurid. lit., 2002. S. 31.

Aristotle (1997) – Aristotle. *Politics*. [Aristotel'. Politika] Book. 7. ch. 7 1997, publishing house "Thought". S. 232.

Albov, Ruchkina (2016) – Albov A.P., Ruchkina G.F. *The influence of national legal culture, national law and the legal system on the sustainable development of the economy* [Vliyanie nacional'noj pravovoj kul'tury, nacional'nogo prava i pravovoj sistemy na ustojchivoe razvitie ekonomiki] // State and Law. 2016. No. 1. pp. 47–58.

Joseph (2006) – Joseph Nye. Flex*ible power. How to Succeed in World Politics*. [Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspekha v mirovoj politike] Moscow: Trend, 2006.

Tsygankov (2003) – Tsygankov P.A. *The concept and criteria of international relations* [Ponyatie i kriterii mezhdunarodnyh otnoshenij] // Theory of international relations. M.: Gardariki, 2003. S. 23.

Giddens (2003) – Giddens E. *Organization of society: Essay on the theory of structuration* [Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii]. M.: Academic project, 2003.

Lunts (1975) – Lunts L.A. *Course of private international law*. [Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava. Osobennaya chast'] Special part. – M., 1975. S. 75.

Anufrieva (2002) – Anufrieva L.P. *Correlation of international public and international private law: legal categories.* [Sootnoshenie mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava: pravovye kategorii] M., 2002. S. 26.

Anufrieva (2000) – Anufrieva L.P. Inter*national private law: in 3 volumes.* [Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: v 3–h t.] Vol. 2. Special part: textbook. – M., 2000. P.85